

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЛАНА БЛЭР

СНОВА *Ты*

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Лана Блэр

Снова ты

<https://litres.ru/74001199>

SelfPub; 2026

Аннотация

Десять лет назад Гордей разбил сердце Азалии одним словом. Теперь он вернулся успешный и опасно притягательный. Он не имеет права снова смотреть на нее так, будто она все еще принадлежит ему. Но прошлое никуда не исчезло, а чувства, которые когда-то уничтожили их обоих, все еще тлеют под кожей. Вот только за десять лет слишком многое изменилось. И чем сильнее их тянет друг к другу, тем страшнее становится вопрос: смогут ли они снова быть вместе, когда у каждого уже давно своя жизнь?

Содержание

Глава 1	4
1.1	9
1.2	15
Глава 2	20
2.1	27
Глава 3	35

Лана Блэр

Снова ты

Глава 1

Азалия

– Гордей уже едет из аэропорта.

Сначала я даже не понимаю, о чем говорит Мстислав. Слова доходят с какой-то странной задержкой, будто звук на мгновение выключили, а потом резко вернули обратно, и смысл запоздало догоняет меня.

– Что? – нахмурившись, медленно поворачиваю голову, чувствуя, как внутри все будто притормаживает.

Он стоит у окна и смотрит в экран телефона, словно там сейчас происходит что-то куда более важное, чем фраза, которую он только что бросил в пространство между нами.

– Гордей уже едет из аэропорта, – повторяет он, даже не подняв на меня взгляд. – Выехал минут двадцать назад. Если без пробок – будет через полчаса.

Полчаса.

Это слово не просто остается в голове. Оно оседает где-то глубже, тяжелым и холодным грузом.

Я киваю, но чувствую, как это движение выходит слишком медленным, почти неестественным. Горло сжимается,

и мне приходится сглотнуть, прежде чем ответить, стараясь, чтобы это выглядело нормально, будто внутри ничего не происходит.

– А-а-а поняла, – голос звучит чужим, как будто не мой.

Сегодня в доме полно людей. Отец постепенно отходит от дел, и теперь компанией будет руководить Мстислав – мой брат, старше меня на пять лет, и всегда казавшийся чем-то вроде второй опоры этого дома. Все это знают, поэтому сегодняшней вечер – скорее формальность для партнеров, коллег и знакомых семьи.

Я знала, что будут гости. Знала, что придут те, кому это важно, кто должен это увидеть. Но про Гордея, лучшего друга Мстислава, никто ничего не говорил.

Ни разу.

Ни вскользь, ни случайно.

И именно поэтому его имя сейчас звучит не просто неожиданно. Оно звучит неправильно, как будто его не должно быть в этой реальности вовсе. Хотя Гордей всегда был частью нашего дома, даже когда физически здесь не находился.

Мстислав продолжает говорить что-то про ужин, про гостей, про отца и про то, что сегодня не нужны лишние проблемы, но я почти не слушаю. Слова проходят мимо, смешиваются в один монотонный шум.

Полчаса.

Это слово продолжает крутиться в голове, возвращаясь

снова и снова, словно времени стало слишком мало, чтобы успеть собраться с мыслями.

Поднявшись с дивана, избегаю зрительного контакта с Мстиславом.

– Я на кухню, – бросаю на ходу, хотя он ничего и не спрашивал.

Он кивает, даже не подозревая, что у меня внутри все сжимается от одного понимания: Гордей скоро будет здесь. Для него это обычная новость. Факт. Человек возвращается домой.

Для меня это совсем не так.

Полчаса.

Быстро иду по коридору, сжимая пальцы в кулаки. Спина прямая, дыхание ровное и какое-то слишком контролируемое, как будто я боюсь, что стоит сбиться, и все внутри выйдет наружу.

– Азалия?

Вздрагнув, оборачиваюсь. Нана, домработница, которая работает у нас столько лет, что давно стала частью семьи, выходит из гостиной, поправляя рукав темно-синего платья.

Она внимательно смотрит на меня и сразу сдвигает брови у переносицы.

– Ты чего такая бледная? Тебе плохо?

– Все хорошо, Нан. Просто устала.

Несколько секунд она еще смотрит на меня так, будто пытается понять, вру я или нет. Замечаю, что она нарядилась

– аккуратное платье, серьги, уложенные волосы и быстро перевожу тему разговора.

– Тебе очень идет.

Нана смущенно отмахивается.

– Ой, перестань. Решила хоть раз выглядеть прилично, а то у вас тут сегодня важный вечер.

– Ты и так всегда красивая.

Она что-то ворчит себе под нос, но губы все равно растягиваются в улыбке.

Кухня встречает теплом и запахами: мясо, специи, что-то запекается в духовке. Приглашенный повар стоит у плиты, сосредоточенно помешивает что-то в сковороде, даже не обращая на меня внимание.

Открыв шкаф, достаю бутылку. Хватаю с подставки стакан и направляюсь в свою комнату.

Коридор кажется длиннее обычного, будто растянулся, подстраиваясь под мое состояние. Быстро прохожу его, чтобы ни с кем не встретиться, поднимаюсь на второй этаж и прошмыгиваю в спальню.

Внутри ничего не изменилось. Та же кровать, тот же комод, тот же шкаф, те же шторы. Все выглядит так, будто время здесь остановилось, а я просто вышла на минуту и вернулась обратно.

Это ощущение давит на грудную клетку.

Закрыв дверь, поворачиваю ключ. Только после этого позволяю себе выдохнуть. Сажусь на край кровати, ставлю ста-

кан на тумбочку. Пробка от бутылки щелкает и этот звук неожиданно режет слух. Наливаю немного, чтобы жидкость покрыла дно. Хотя доливаю половину и замороженно смотрю на янтарную жидкость.

Я не пью виски с тех пор, как в последний раз позволила себе забыть, кем Гордей для меня является. И кем я не должна была становиться для него.

Мысль об этом отзывается внутри неприятным, почти болезненным эхом.

Взяв стакан, подношу к губам и, не давая себе времени передумать, делаю несколько больших глотков. Горло сильно обжигает. Я зажмуриваюсь, наклоняюсь вперед, обхватывая стакан двумя руками, и какое-то время просто дышу, стараюсь переждать это ощущение.

Полчаса.

Он уже в дороге.

Провожу пальцами по краю стакана, чувствуя гладкость стекла, как будто это может заземлить меня и вернуть в реальность. Рвано выдохнув, кручу стакан, наблюдая, как виски скользит по стенкам.

Не думать.

Не представлять.

Не вспоминать.

Я почти заставляю себя повторять это как мантру, но понимаю, насколько это бесполезно. Потому что память все равно находит, как вернуться.

1.1

Июль. 10 лет назад.

Жара стояла такая, что воздух казался густым и плотным, словно его можно было потрогать руками.

Мстислав решил устроить вечеринку. Музыка лилась из колонок, басы отдавались в груди глухими ударами. Люди повсюду: в доме, у бассейна, на террасе, на газоне. Кто-то знакомый, кто-то нет.

Я только закончила первый курс и вернулась на лето, уверенная, что впереди просто месяц свободы. И не знала, что именно в этот месяц все начнет рушиться.

На мне легкое платье – открытое, почти непривычное для меня. Я купила его совсем недавно и впервые решилась надеть именно сегодня, на эту вечеринку.

В руке у меня стакан. Не первый.

Я смеялась, когда нужно, отвечала на вопросы, поддерживала разговоры, но все это происходило почти автоматически. Потому что на самом деле я была занята другим.

Я знала, где он. И каждый раз, когда поднимала глаза, находила его среди людей. Гордей стоял чуть в стороне, разговаривая с кем-то, кивая, иногда улыбаясь. Но все равно смотрел на меня.

Не постоянно, но достаточно часто, чтобы я начинала замечать это слишком остро. Стоило нашим взглядам снова

пересечься, как внутри сразу все сбивалось – мысли, дыхание, даже ощущение собственного тела. Мне становилось неловко и одновременно почему-то хорошо от того, что среди всех людей в этом доме он снова смотрел именно на меня.

Я ловила себя на глупом желании проверить это еще раз. Поднимала глаза будто случайно, заранее убеждая себя, что все придумала, что Гордей просто наблюдал за всеми, или, может быть, следил, не слишком ли много я выпила, не приставал ли ко мне кто-то из гостей. Это было бы логично, правильно и безопасно.

Но каждый раз, встречаясь с ним взглядом, я чувствовала, как внутри все равно поднималась предательская надежда.

А вдруг он смотрел так не просто потому, что знал меня всю жизнь? А вдруг я действительно ему нравилась?

От этих мыслей щеки вспыхивали еще сильнее, и я первой отворачивалась, пытаюсь спрятать собственное смущение, хотя уже через несколько секунд снова искала его глазами среди людей.

Ближе к ночи музыка изменилась на более медленную и спокойную. Кто-то уехал, кто-то ушел спать, а оставшиеся разбились на группы по несколько человек.

Влада сидела на диване рядом с Мстиславом и смеялась над какой-то его шуткой. Мы с ней познакомились в университете почти год назад, когда я только поступила. Она оказалась старше меня на два года, тоже из Калининграда, и каким-то образом очень быстро стала человеком, рядом с ко-

торым мне было легко. А потом Мстислав приехал ко мне в Москву и познакомился с ней.

Они вместе всего несколько месяцев, и мне до сих пор странно видеть брата рядом с кем-то настолько живым и легким. Влада периодически ловила мой взгляд через всю гостиную и хитро улыбалась. Но я делала вид, что не замечаю.

Подойдя к столу с напитками, собиралась взять еще один стакан, когда Влада вдруг оказалась рядом. Наклонившись ко мне чуть ближе, чтобы ее не услышали остальные, она тихо произнесла:

– Он с тебя глаз не сводит.

Чуть не подавившись воздухом, сразу нахмурилась, чувствуя, как щеки начали предательски гореть.

– Прекрати.

Влада только довольно улыбнулась и, бросив короткий взгляд куда-то мне за спину, вернулась обратно к Мстиславу, будто и без того знала, что попала точно в цель.

Я не сразу решилась обернуться.

Сначала сделала вид, что занята стаканом, льдом, чем угодно, лишь бы потянуть еще несколько секунд. Но ощущение чужого взгляда было почти физическим. И только тогда я почувствовала Гордея рядом еще до того, как увидела его.

– Потанцуем? – тихо произнес он возле самого уха.

От его голоса по коже сразу пробежали мурашки. Я повернулась слишком резко и тут же поняла, насколько близко он стоял. Между нами почти не оставалось расстояния, и от

этого сердце вдруг заколотилось так сильно, что становилось трудно сделать нормальный вдох.

– Со мной? – переспросила я и сразу услышала, как глупо и по-детски это прозвучало.

В уголках его губ мелькнула едва заметная улыбка.

– А тут есть еще варианты?

Нервно облизнув губы, повертела головой, не доверяя собственному голосу.

Гордей взял меня за руку, и внутри все мгновенно затрепетало. Его пальцы сомкнулись вокруг моей ладони уверенно и спокойно, будто в этом не было ничего особенного, но для меня это прикосновение оказалось почти опасным.

Он отвел меня чуть дальше от остальных, туда, где музыка звучала тише, а вокруг было меньше людей. Свет здесь казался мягче, воздух теплее, и внезапно все стало ощущаться слишком личным.

Ладонь Гордея легла мне на поясницу. Кожа под его рукой начала покалывать. Даже сквозь ткань платья я чувствовала это прикосновение слишком хорошо. От него по позвоночнику медленно расходилось тепло, от которого слабели колени.

Сначала я смотрела куда угодно, только не на него: на причудливую родинку в виде звезды на шее, на воротник его поло, на чужие силуэты за спиной. Мне казалось, что, если бы я подняла глаза, он сразу бы увидел все: как сильно я нервничала, как сбивалось мое дыхание, как отчаянно мне нра-

вилось быть сейчас рядом с ним.

Но долго избегать его взгляда не получилось. Я все-таки подняла голову и сразу встретилась с его карими глазами.

Гордей смотрел как-то слишком внимательно. Не как обычно. Не как лучший друг старшего брата, не как человек, который знает меня половину жизни. От этого взгляда бабочки внутри не находили себе покоя.

– Ты выросла, – тихо сказал Гордей.

Я улыбнулась, пытаюсь скрыть дрожь.

– Это вроде нормально.

Но он не улыбнулся в ответ, и от этого у меня вдруг пересохло во рту. Его взгляд медленно скользнул по моему лицу, и сердце болезненно сжалось от невозможной, почти глупой надежды.

– Я не про это, – произнес он чуть тише.

Растерянно моргнув, не понимала, что именно он имел в виду, но спрашивать почему-то побоялась. Между нами повисла пауза, наполненная чем-то гораздо большим, чем обычный разговор. Я чувствовала его руку на своей талии, ощущала тепло его тела и впервые за весь вечер не могла думать ни о чем, кроме того, что мне совсем не хочется, чтобы эта музыка заканчивалась.

Но она закончилась слишком быстро.

Гордей медленно убрал руку с моей поясницы и от этого прикосновения, исчезнувшего так внезапно, внутри стало почти пусто.

Несколько секунд он просто смотрел на меня так, будто хотел сказать что-то еще, но в итоге лишь тихо выдохнул и сделал шаг назад. А потом вернулся к остальным, оставив меня стоять посреди зала с бешено колотящимся сердцем и ощущением его ладони на своей коже.

1.2

Когда все начали расходиться по комнатам, я тоже попыталась лечь спать. Но уснуть я так и не смогла. Стоило закрыть глаза, как передо мной снова возникал Гордей – его внимательный и теплый взгляд, его рука на моей пояснице во время танца. Мне казалось, я до сих пор чувствовала это прикосновение. И от одного воспоминания под ребрами становилось невыносимо горячо. Я ворочалась с боку на бок, пытаюсь убедить себя, что придаю всему слишком большое значение, но мысли все равно возвращались к нему снова и снова. В какой-то момент лежать в темноте стало просто невозможно, и я тихо поднялась с кровати.

Выйдя из комнаты, я прошла через кухню и вышла на веранду. Ночной воздух мягко касался кожи, и, сделав глубокий вдох, я ощутила запах травы, влажной земли и чего-то свежего, почти успокаивающего.

Прислонившись к перилам, я подняла взгляд к небу. Звезды казались ярче, чем обычно. Дверь за спиной скрипнула.

Я не обернулась, но сразу почувствовала, что за спиной Гордей. Он встал рядом, не слишком близко, но достаточно, чтобы я чувствовала его присутствие каждой клеткой.

Зажав сигарету между губами, он чиркнул зажигалкой, и в темноте коротко вспыхнул огонек. Запах табака смешался с ночным воздухом.

– Не спишь? – спросил он, выдыхая дым в сторону.

Голос у него был чуть хриплый и усталый, но в нем было что-то непривычное: более теплое и менее отстраненное, чем обычно.

– Не хочется, – пожала плечом.

Я все еще смотрела вверх, цепляясь за далекие звезды, лишь бы не встретиться с ним взглядом. Он подошел ближе и, сделав большую затяжку, стряхнул пепел.

– Звезды считаешь?

– Пытаюсь.

– Получается?

– Нет.

Гордей тихо усмехнулся. Я повернула голову и встретила с пристальным взглядом.

Этот взгляд был совсем другим. В нем читалось что-то новое, почти опасное, от чего у меня на секунду сбилось дыхание и стало слишком ясно, что он смотрел на меня уже не так, как раньше. Как будто он наконец перестал притворяться, что ничего не чувствует. Я слишком долго была в него влюблена, чтобы не узнать момент, когда что-то меняется.

– Ты пьян? – поинтересовалась, цепляясь за единственное рациональное объяснение.

– Немного. А ты? – докурив, он затушил сигарету в пепельнице.

– Тоже немного.

Гордей сделал шаг еще ближе. Теперь между нами почти

не было расстояния. Я чувствовала запах табака, алкоголя, и его парфюма. Темные каштановые волосы были чуть растрепаны, будто он уже не первый раз проводил по ним рукой за этот вечер. Карие глаза казались почти черными в полумраке веранды, а короткая щетина только сильнее подчеркивала его взрослую, почти опасную привлекательность.

Расстегнутый ворот поло открывал загорелую кожу, а поверх нее поблескивала знакомая серебряная двойная цепочка, исчезающая под тканью. Рельеф его тела хорошо угадывался под поло, заставляя меня чувствовать предательскую дрожь где-то под ребрами.

Азалия, Гордей старше тебя на пять лет. Ты слишком маленькая, чтобы он воспринимал тебя всерьез.

Но я продолжала смотреть на него снизу вверх, и делала вид, что мне все равно, хотя сердце всегда ускорялось, когда он рядом.

Только сейчас он смотрел так, как я когда-то только мечтала.

– Аза, – тихо произнес он.

Я замерла. Гордей никогда так меня не называл.

– Что? – откликнулась почти шепотом.

Гордей не ответил сразу. Он будто боролся с чем-то внутри себя. С тем, что давно не выпускал наружу.

– Это плохая идея.

– Твоя или моя? – выдала с вызовом.

Заметила, как он сглотнул, а в глазах промелькнула

вспышка.

– Наша.

Это опасное слово повисло между нами. Не «ты» и «я».

А «мы».

– Да, – согласилась, кивнув. – Наверное, очень плохая.

– Тогда почему ты все еще здесь? – спросил он тише.

Я чуть приподняла подбородок, стараясь выглядеть расслабленной, хотя внутри все уже давно перестало быть спокойным. Чувствовала, как под ребрами поднималось что-то горячее, почти отчаянное.

Потому что я ждала этого момента слишком долго.

Потому что я всегда хотела, чтобы он перестал быть просто Гордеем – лучшим другом моего брата, а стал чем-то большим.

– А ты почему?

Гордей чуть заметно улыбнулся, но не отступил ни на сантиметр.

– Если ты сейчас не уйдешь, я

– Что? – перебила его.

– Я пытаюсь быть разумным, – хрипло признался он.

– Гордей, ты перестал быть разумным, когда оказался на веранде.

И в этот момент стало еще хуже, потому что он посмотрел на меня иначе – не просто внимательно, а так, будто наконец перестал делать вид, что контролирует ситуацию.

Его взгляд опустился на мои губы всего на секунду, но

этого хватило, чтобы воздух между нами стал потрескивать. Сердце билось так сильно, что казалось, он должен это слышать.

Гордей поднял руку и осторожно коснулся моего лица. Я не отстранилась. Даже не думала об этом. Потому что если бы отступила, то все снова бы стало прежним.

А я не хотела прежнего.

Обхватив мое лицо ладонями, он коснулся губами моих губ. Сначала осторожно, почти вопросительно, словно все еще оставлял мне возможность отступить. Но я ответила сразу.

Без паузы.

Без сомнений.

Все остальное перестало иметь значение: правила, последствия, правильность или неправильность.

Оставалось только это ощущение.

И мы.

Глава 2

Гордей

Я помню ту ночь слишком ясно, как будто она не осталась где-то в прошлом, а продолжается во мне до сих пор, застывшая в каждом ощущении.

Июль. 10 лет назад.

Я все еще не понимал до конца, в какой момент перестал видеть в Азалии ту самую мелкую, за которой когда-то присматривал больше по привычке, чем по необходимости. Когда это изменилось? Когда вместо девчонки, путающейся под ногами, я начал замечать, как она смотрит, как двигается, как реагирует на меня?

Я тянулся к ней, и в этом движении не было уверенности, к которой я привык. Но она не отступала.

Азалия смотрела на меня снизу вверх так доверчиво и открыто, что в джинсах становилось опасно тесно. Рыжие волосы мягкими волнами спадали ей на плечи, отливая теплой медью в тусклом свете веранды. Серые глаза казались темнее, и от того, как она смотрела на меня, внутри все окончательно выходило из-под контроля.

Я слишком хорошо помнил ее другой – смешной девчонкой с хвостом на макушке, которая таскалась за мной и Мстиславом по дому. И именно поэтому сейчас все происходящее казалось неправильным, но остановиться было по-

что невозможно.

Ее губы были неожиданно слишком мягкие. С легким сладким вкусом белого ягодного зефира, который Азалия обожала еще с детства. И это первое прикосновение выбило почву из-под ног. Все, что до этого казалось контролируемым, рассыпалось.

Азалия сразу ответила на поцелуй без страха и колебаний. Словно ждала этого так же долго, как и я сам пытался делать вид, что ничего не замечаю. Ее пальцы дрожали на моих плечах, и от этой дрожи меня вело сильнее, чем от алкоголя. Это окончательно сорвало стоп-кран.

Я чувствовал, как она прижималась ближе, тепло ее тела, как пальцы цеплялись за мое поло, словно она боялась, что я отстранюсь. От ее волос и кожи тонко пахло сиренью, и этот легкий сладковатый аромат окончательно сводил меня с ума. И я уже не мог ни отстраниться, ни остановиться.

Были только мое сбитое и частое дыхание и ее тихие стоны, которые она не пыталась сдерживать.

Я запоминал все: как тело Азалии откликалось на каждое прикосновение, как она выгибала спину, когда я спустился поцелуями к шее, как она шептала мое имя – тихо, почти не слышно, но так, что мозги постепенно отключались. А в паху становилось все жарче.

В какой-то момент я понял, что мы перешли ту грань, после которой уже нет «назад». И все равно не остановился.

Потому что не хотел. Потому что впервые за долгое время

я чувствовал не расчет, не контроль, не привычную холодную ясность, а что-то живое.

– Аза – хрипло выдохнул я, прижавшись лбом к ее лбу. – Ты вообще понимаешь, что со мной делаешь?

Она тихо и нервно усмехнулась.

– А ты? – прошептала она. – Ты понимаешь, что делаешь со мной?

Вернувшись к губам Азалии, подхватил ее под попку. Она обняла меня ногами и тепло нежной волной разлилось по всему телу. От ее близости окончательно срывало крышу.

Азалия цеплялась за меня так, будто боялась, что я все-таки остановлюсь. Но рядом с ней вся моя выдержка трещала по швам. Она запустила пальцы в мои волосы и ответила на поцелуй. Плавно подвигав бедрами, она потерлась о мой пах, заставляя член еще сильнее упереться в ткань джинс.

Понимая, что просто могу не сдержаться, открыл дверь и понес Азалию в комнату. Я двигался почти вслепую, пока она прокладывала дорожку поцелуев от подбородка к шее и обратно.

Как только зашел в комнату, закрыл дверь, толкнув ее ногой и прижал к ней Азалию. Ладони скользили по ее бедрам. Губы ласкали нежную кожу шеи, спускаясь к груди.

Азалия кусала губы, тихо постанывая и снова потерлась о член. Рыкнув, поставил ее на пол и стянул футболку, отбросив в сторону. С удивлением обнаружил, что под ней не было белья. Затуманенным желанием взглядом жадно скользил

по ее обнаженной груди. У меня не оставалось никаких сомнений: все что произойдет этой ночью я запомню надолго.

– Аза, ты такая красивая, – просипел, сглотнув.

Даже в полутьме видел, как ее щеки вспыхнули и она смущенно отвела взгляд ненадолго. Она сделала шаг ко мне и, схватившись за низ поло, потянула его наверх. Я помог ей снять его с меня и наклонился ближе. Медленно и легонько коснулся ее губ, перемещался выше, скользя по щеке. Прикусил мочку уха и услышал рваный стон. Пах сводило от дикого желания.

Наклонившись, едва коснулся губами ее соска. Дыхание Азалии сбилось. Я ласкал грудь языком, слегка прикусывая и посасывая. Она впилась ногтями в мои предплечья, тихо застонав. Проводил ладонями по талии, бедрам, сжимал ягодицы.

Тело Азалии реагировало на прикосновения волнами мурашек. Она то закрывала глаза, то открывала их вновь, выгибалась навстречу и прикусывала нижнюю губу, чтобы сдерживать рвущийся наружу стон. Она сводила меня с ума.

Поддев резинку шорт и трусиков, приспустил их вниз и они упали к ее щиколоткам. Немного отстранился, чтобы лучше рассмотреть все то, что от меня скрывалось, хоть и не особо надежно. Пружина желания туго скрутилась в паху, а я с шумом втянул воздух.

– Ты невероятная. Посмотри на меня, – попросил я.

Она подняла взгляд.

– Все хорошо?

– Я просто У меня никогда...

Она не договорила, но я и так все понял. На несколько секунд мир будто замер.

– Если хочешь, мы можем...

– Нет, – перебила она сразу.

Встав на носочки, Азалия обхватила мое лицо ладонями и уверенно поцеловала. Теряюсь от ее упорства, но в следующую секунду притянул ближе. Кажется, что от напряжения между нами вот-вот вспыхнет пожар. В паху неистово пульсировало.

Я первый прервал поцелуй. Быстрым движением стянул джинсы с боксерами и, взяв ее за ладонь, потянул на кровать. Она опустилась сверху. От такого тесного соприкосновения кожа к коже, ощутил, как по телу растекались теплые ручейки тока. Ее грудь снова попала в капкан моих губ, в то время как нежные пальцы уверенно обхватили подрагивающий от нетерпения член.

Размазав по головке капли предэякулята, Азалия заскользила ладонью вверх-вниз по всей длине. Я сдавленно прорычал, сжав ее ягодицы и, чуть приподняв, медленно вошел. Азалия едва заметно поморщилась, и из нее вырвался тихий всхлип. Я тут же замер.

– Аза – выдохнул ей в губы, поглаживая по спине. – Все хорошо?

Она коротко кивнула, но я все равно не двигался, давая ей

время привыкнуть и перевести дыхание. Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга. Потом Азалия сама потянулась ко мне, коснулась губами моих губ и едва заметно улыбнулась.

Только тогда я снова притянул ее ближе. Поймал ее губы своими и почувствовал, как напряжение постепенно уходит, уступая место чему-то совсем другому.

– Ты такая мокрая, – прошептал, отстранившись.

Разглядывая тело Азалии, прогонял тихий голос здравого смысла: лучший друг ее брата, пять лет разницы. Это должно было остановить меня. Но вместо этого я только сильнее притягивал ее к себе, будто боялся отпустить хотя бы на секунду.

В какой-то момент понял, что Азалия приближалась к долгожданной развязке. Подхватив ее под бедра, начал поднимать и опускать на себя. Я насаживал ее на член снова и снова. А она чувствовалась так, как я и представлял во время нашего танца: тесно, горячо, глубоко.

Продолжал двигаться в быстром и каком-то неистовом ритме. Пульсация внизу живота нарастала с каждым движением. Азалия уже даже была не в силах сдерживать стоны. Зажмурив глаза, она запрокинула голову.

– Горде-е-ей – сорвалось мое имя с ее губ.

То, как она его произнесла, стало последней оглушающей волной. Крепко сжав ягодицы Азалии, дернул несколько раз бедрами и с каким-то первобытным рыком кончил в нее.

Азалия уткнулась лбом мне в плечо, а я, поцеловав ее в висок, поглаживал по спине вдоль позвоночника. Сердце бешено колотилось, дыхание даже не собиралось приходить в норму. Я понимал, что нужно сходить в душ, но не хотел ее отпускать. Да и зачем приводить себя в порядок, если у нас еще вся ночь была впереди.

2.1

Открыв глаза, несколько секунд лежал, глядя в потолок. Сначала не понимал, почему тело ощущалось непривычно тяжелым и одновременно странно расслабленным. Сознание медленно возвращалось после короткого сна, цеплялось за обрывки ночи, за запах кожи Азалии на простынях, за тепло, которое все еще осталось рядом.

А потом память накрыла резко и безжалостно.

Я повернул голову.

Азалия спала рядом со мной, уткнувшись щекой в подушку. Покрывало сползло куда-то вниз, открывая тонкое плечо, ключицу и часть груди.

В груди что-то неприятно кольнуло.

Я смотрел на нее и вдруг слишком ясно понял, что произошло этой ночью. Не обрывками, не отдельными моментами, а полностью.

Как она смотрела на меня на веранде. Как дрожали ее пальцы, когда она касалась меня. Как она шептала мое имя так, будто в мире больше ничего не существовало.

И от этого под ребрами разливалось тяжелое, почти болезненное чувство, в котором смешалось сразу все – желание, вина, растерянность и что-то еще, слишком похожее на страх.

Потому что я отвечал ей так же.

Я закрыл глаза и медленно провел ладонью по лицу, пытаясь собраться с мыслями, вернуть привычную холодную ясность, в которой все можно объяснить логикой и правильными решениями.

Но здесь не было ничего правильного.

Был только факт: я переспал с младшей сестрой своего лучшего друга. С Азалией, которую знал с пеленок.

Черт! А ведь ночью это не казалось ошибкой ни секунды.

Наоборот.

Похоже, впервые за долгое время я вообще не думал о последствиях.

В комнате тихо. Слышалось только спокойное дыхание Азалии. Я снова посмотрел на нее и ощутил, как внутри поднималось что-то опасное, тянущее обратно к ней. Это что-то было настолько сильное, что хотелось снова притянуть ее к себе, уткнуться носом в ее волосы и сделать вид, что никаких проблем не существовало. Но проблемы были.

Мстислав.

Владимир Сергеевич – ее отец.

Разница в возрасте.

И то, как она смотрела на меня этой ночью: открыто, влюбленно, без защиты.

Резко выдохнув, сел на край кровати, упираясь локтями в колени.

Нужно было остановиться еще там, на веранде, не заходить с ней в комнату, а вспомнить, кто я для нее.

Но вместо этого я целовал ее так, будто давно потерял право называться разумным человеком.

За спиной послышалось тихое движение. Я обернулся.

Азалия медленно просыпалась, морщилась от света, а потом посмотрела на меня. Ее взгляд моментально стал удивительно мягким и теплым. Серые глаза были счастливыми настолько искренне, что у меня внутри было чувство, словно когтистая лапа медленно и методично оставляла глубокие царапины.

Она улыбнулась едва заметно и сонно потянулась ко мне, будто это совершенно естественно: проснуться рядом со мной. Будто между нами действительно могло быть что-то нормальное.

Я должен все остановить. Сейчас. Сразу. Пока она не успела придумать себе будущее, которого у нас никогда не будет.

Азалия обняла меня за шею и наклонилась, чтобы поцеловать, но я отстранился. Это движение далось почти физически тяжело. Внутри все сопротивлялось ему, но я все равно заставил себя подняться с кровати и отступить.

Улыбка на ее губах медленно угасала.

– Мы поторопились, – сказал я.

Собственный голос звучал чужим, холодным и жестким для того, как она сейчас смотрела на меня.

– Это была ошибка.

Несколько секунд она просто молчала, будто не сразу поняла смысл слов.

– Что? – тихо переспрашивает она, нахмурившись.

В ее голосе пока еще не было боли. Только растерянность.

– Гордей

Я перебил ее почти сразу, потому что если бы дал ей договорить, то, возможно, уже не смог бы остановиться сам.

– Я должен был остановиться. Это неправильно.

Азалия медленно села на кровати, прижимая к груди покрывало. Я видел, как изменилось ее лицо, как исчезло то счастливое и светлое выражение, с которым она только что смотрела на меня.

Сжав челюсть, ощутил, как под ребрами что-то болезненно дернулось.

– Я сама этого хотела, – проговорила она тихо, но твердо, без истерики и слез.

Это добило меня окончательно. Потому что я знал, что она не врет. Она действительно хотела этого. Не играла, не пыталась казаться взрослее. Она была честной со мной в каждом взгляде, каждом прикосновении.

А я сейчас разрушал это своими руками. Но остановиться уже не мог, потому что если бы я позволил себе хотя бы немного слабости, то уже не смог бы от нее отказаться.

– Забудь, – резко и холодно отчеканил я.

Слово упало между нами как пощечина. И в ту же секунду я понял, что сделал ей больно.

Азалия смотрела на меня так, будто не узнавала. Будто еще несколько часов назад рядом с ней был один человек, а

сейчас перед ней совершенно другой.

И, наверное, так и было.

Ее глаза начали блестеть, но она упрямо сдерживалась. Только сильнее сжала пальцами край покрывала и быстро отвернулась, будто не хотела, чтобы я видел ее лицо.

Азалия молча встала с кровати и начала одеваться. Движения были резкие и обрывистые, словно она пыталась справиться с дрожью. Я заметил, как у нее не сразу получилось попасть рукой в рукав футболки, как она нервно поправляла волосы, лишь бы не смотреть в мою сторону.

А я стоял и ненавидел себя за то, что сам все испортил.

Нужно было что-то сделать – объяснить, остановить ее, сказать, что дело не в ней, что проблема во мне, что я просто испугался того, насколько сильно она успела пробраться под кожу за одну ночь.

Но слова застряли где-то внутри, потому что любое объяснение сейчас прозвучало бы жалко.

Она уже все услышала.

Забудь.

Этого слова оказалось достаточно, чтобы уничтожить все, что было между нами каких-то пару часов назад.

Азалия подошла к двери, и на секунду мне показалось, что она все-таки обернется, скажет что-то, посмотрит.

Но она просто вышла из комнаты, тихо закрыв за собой дверь.

И только после этого я наконец позволил себе выдохнуть.

Тяжело.

Рвано.

Почти болезненно.

В комнате сразу стало пусто. Сев на край кровати, опустил голову и сжал пальцы на затылке. Долго и неподвижно просидел в одной позе, пытаясь убедить себя, что поступил правильно.

Что так действительно лучше.

Что я старше и должен был думать верхней головой, а не нижней.

Что Мстислав, как и Владимир Сергеевич, никогда бы мне этого не простили.

Что я не имел права втягивать ее во все это.

Я повторял это про себя снова и снова, как будто от этого мысли смогли бы превратиться в правду. А затем где-то глубоко внутри начало медленно расти понимание, от которого становилось по-настоящему невыносимо: я мог ее остановить. Мог догнать. Мог сказать хоть что-нибудь нормальное.

Но не стал.

Видимо, именно это она мне никогда не простит.

Сейчас.

Смотрю в окно такси, пока Калининград медленно проплывает мимо: улицы, старые дома, люди на тротуарах. Все кажется одновременно знакомым и чужим, как будто я смотрю на это через стекло не только физически, но и внутренне.

Десять лет.

Десять лет, за которые я почти вычеркнул Азалию из своей жизни.

Сингапур, Дубай, Шанхай, сделки, перелеты, бесконечные встречи. Я строил бизнес, вытаскивал «ТрансЛогистик» на другой уровень, занимался тем, что всегда умел лучше всего: контролировать, просчитывать и добиваться.

И ни разу не позволил себе вернуться к тому, что было тогда.

Я не раз приезжал в Россию, но мы не пересекались. Ни случайно. Ни намеренно. Как будто сама жизнь держала дистанцию.

Сейчас я еду к дому ее отца и понимаю, что меньше, чем через полчаса увижу ее. Впервые за десять лет.

Еще утром в Москве, во время пересадки, я позвонил Мстиславу предупредить, что скоро вылетаю в Калининград. Он тогда сказал что-то про гостей, про отца, а потом совершенно обычным тоном добавил:

– Аза тоже здесь. С самого утра помогает.

После его слов внутри появилось странное напряжение, которого я совсем не ожидал.

Не знаю, какой она стала и как изменилась, потому что намеренно не искал ее страницу в интернете, не спрашивал о ней у Мстислава больше необходимого, пролистывал фотографии, если они случайно попадались мне на глаза. Словно все это могло что-то изменить. Или, наоборот, слишком многое вернуть.

Интересно, осталось ли в ней хоть что-то от той девушки, которую я оставил тогда, утром?

Я даже не знаю, что почувствую, когда снова посмотрю на нее. И почувствую ли вообще что-то.

Сжав челюсть, отвожу взгляд от окна. Знакомое и нежеланное напряжение внутри нарастает. Не может же быть такое, что эти десять лет ничего не исправили.

Глава 3

Азалия

Где-то там, под ребрами, разрастается пугающая тяжесть. Я просто сижу на краю кровати, держу в руках телефон и смотрю в потемневший экран, в котором отражается мое лицо. Но с каждой секундой внутри начинает медленно нарастать тревога, как будто кто-то постепенно затягивает невидимую петлю все туже.

Он едет сюда.

Эта мысль возвращается снова и снова, и каждый раз сердце неприятно вздрагивает, словно не успевает привыкнуть к реальности, в которой Гордей опять появляется в моей жизни.

Делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться, но воздух будто застревает где-то в груди. Ничего не помогает. Ни логика, ни попытки убедить себя, что это обычная встреча, что прошло десять лет, что люди меняются и все давно осталось в прошлом.

Спокойно. Ничего страшного не происходит. Он просто приедет в дом отца. Просто вечер. Просто человек, которого я когда-то знала слишком хорошо.

Но тело не верит ни одному слову.

Резко поднявшись с кровати, раздраженно скидываю туфли куда-то в сторону и начинаю ходить по комнате, пото-

му что сидеть становится невозможно. Под босыми ногами прохладный пол, ладони холодные, а внутри, наоборот, все словно горит от тяжелого волнения. Подойдя к окну, оставившись, обнимаю себя за локти и смотрю куда-то вдаль.

В голове крутятся вопросы, сменяя друг друга: «Как мне себя вести? Игнорировать его? Делать вид, что мне все равно?»

Я почти нервно улыбаюсь от этих мыслей. Это будет выглядеть не как равнодушие, а как попытка спрятаться.

Тогда нормально?

Но что вообще значит «нормально», когда речь идет о Гордее?

Смотреть ему в глаза и спокойно разговаривать так, будто между нами ничего не было? Будто он не перевернул всю мою жизнь одним утром? Будто я не плакала после него так, что задыхалась от собственной боли?

В груди неприятно тянет, и я отворачиваюсь от окна, снова начиная бесцельно ходить по комнате.

Холодно. Вот как надо.

Вежливо. Сдержанно. Спокойно.

Как будто он просто один из гостей отца. Не человек, которого я любила половину своей жизни.

От этой мысли становится еще хуже, потому что именно сейчас я особенно ясно понимаю: для меня Гордей никогда не был «просто кем-то».

Разблокировав экран телефона, быстро нахожу контакт

Влады и нажимаю вызов.

Гудки тянутся слишком долго. Я машинально считаю их, чувствуя, как сердце колотится где-то под горлом.

– Да? – ее голос звучит немного уставшим, а на фоне слышится шум улицы и хлопок дверцы машины. – Аза?

Я на секунду закрываю глаза.

– Он приезжает.

– Кто? – непонимающе переспрашивает она.

– Гордей.

Секундная тишина, после которой доносится короткий выдох.

– Подожди В смысле приезжает?

– Уже едет к отцу. Мстислав сказал.

Какое-то время Влада снова молчит, будто переваривает услышанное.

– Ты серьезно?

Коротко усмехаюсь, хотя мне совсем не смешно.

– К сожалению.

– Черт, – тихо выдыхает она. – Я буквально пару минут назад от клиента вышла, а тут такое.

Медленно опустившись на край кровати, сжимаю телефон крепче.

– Ты знала? – задает она вопрос.

– Нет, – выдаю как-то слишком быстро.

И этот факт больно цепляет что-то под ребрами. Не сам приезд. А то, что никто меня не предупредил. Будто это во-

обще не имеет значения.

Провожу рукой по волосам и смотрю в одну точку.

– Мстислав ни слова не сказал.

– Аза

Влада замолкает на секунду, а потом осторожно произносит:

– А ты не думала, что это может быть ну, не знаю вторым шансом?

– Нет! – выпаливаю резко. – Даже не начинай.

– Я просто спросила, – уже мягче говорит она. – Прошло десять лет. Люди меняются.

Тихо усмехнувшись, опускаю голову.

– Вот именно. Десять лет прошло.

Но лишь от одного понимания, что я скоро его увижу, внутри все начинает дрожать так, словно мне снова девятнадцать. Потому что рядом с Гордеем я действительно снова становлюсь той самой девчонкой. Не женщиной с давно выстроенной жизнью, а той, которая сходила с ума от каждого его взгляда и запоминала любое случайное прикосновение.

Я зажмуриваюсь.

Нет.

Этого больше нет.

Не должно быть.

– Тогда как ты собираешься себя вести? – спрашивает Влада.

Медленно выдыхаю и поднимаюсь с кровати, начиная хо-

дить по комнате.

– Не знаю. Игнорировать его слишком показательно. Делать вид, что все нормально тоже вряд ли получится.

– Тогда просто будь холодной, – предлагает она. – Вежливой. Без эмоций.

Я киваю, хотя она этого не видит.

– Наверное.

– Будь просто младшей сестрой его лучшего друга. Не больше.

Если бы это было так просто.

– Ты скоро приедешь? – спрашиваю я тише.

– Да. Минут через двадцать-тридцать буду.

Хоть это немного успокаивает. Мысль о том, что Влада тоже будет здесь, делает происходящее чуть менее невыносимым.

Мы разговариваем еще несколько минут, и она пытается отвлечь меня обычными фразами, но после звонка тишина в комнате все равно кажется оглушающей.

Некоторое время просто стою неподвижно. Потом взгляд сам цепляется за фотографию на комод.

Мама.

Я подхожу ближе и смотрю на снимок не отрывая глаз. Она улыбается с фотографии так же мягко, как я помню. В животе моментально ощущается тяжесть.

18 лет назад. Август.

Мне одиннадцать. Я стояла посреди огромной гостиной

и не понимала, почему в доме так тихо. Здесь было полно людей, но никто не говорил нормально – только шепотом или короткими фразами.

Нана плакала, помощник папы отвечал на звонки. Взрослые смотрели друг на друга так, будто произошло что-то непоправимое.

Тогда я еще не понимала, что одно слово может разрушить целую жизнь.

Катастрофа.

Лайнер.

Мама.

Родители Гордея.

Они уехали вместе и больше не вернулись.

Я пыталась найти Мстислава среди всех этих людей. И когда нашла, заметила, что только он выглядел не испуганным, а пустым. Словно за несколько часов стал старше сразу на десять лет.

А потом в доме появился Гордей.

И впервые в жизни я увидела, как человек может молчать так, будто внутри у него больше ничего не осталось.

Сейчас.

Наверное, именно в одиннадцать лет я впервые начала ненавидеть лето.

Август забрал у нас с Мстиславом маму.

Июль спустя годы разрушил все, что было между мной и Гордеем.

А сейчас снова лето.

Июнь.

И Гордей опять возвращается в мою жизнь.

Медленно провожу пальцами по рамке фотографии и чувствую, как горло сжимается все сильнее.

– Ты бы знала, что делать, да? – шепчу почти беззвучно.

Но в ответ только тишина.

Я стою так еще несколько секунд, позволяя воспоминаниям пройти через меня, а потом медленно отвожу взгляд.

Полчаса.

Меньше, чем полчаса, и Гордей будет здесь.

Это ощущается почти как приближение грозы: она еще не началась, но воздух уже становится тяжелым, и ты заранее знаешь, что после нее ничего не останется прежним.